

Что-то не так... На рукояти этого меча словно что-то есть!

Ей только что показалось, что она нащупала под пальцами какие-то необычные узоры.

Осознав, что ржавый меч действительно таит в себе некую загадку, Цзи Минчжао вскочила с постели и при лунном свете внимательно осмотрела место, которого только что коснулась.

В холодном лунном сиянии под слоем вощенного шнура цвета морской волны проступал тонкий орнамент: рельефный в центре и слегка вогнутый по краям. Сдвинув брови в задумчивости, она решительно принялась разматывать шнур с рукояти.

Вероятно, из-за того, что меч долгие годы валялся в углу заброшенной обители, щели между витками шнура намертво забились темной грязью.

Ребенок с поврежденной рукой потратил немало сил, прежде чем удалось полностью освободить рукоять. Когда она наконец нашла платок и бережно стерла остатки грязи, перед ней открылся истинный вид выгравированного узора.

— Чу... Усин. — Цзи Минчжао узнала три маленьких иероглифа и невольно прошептала их вслух, а ее брови сами собой сошлись на переносице.

Имя Чу Усин казалось ей до боли знакомым. Если память ее не подводит, это... кажется...

Разве это не имя нынешнего государственного наставника их Великой Янь?

Вспомнив, где именно она слышала это имя, девочка невольно вздрогнула. Теперь ржавый меч, сжимаемый в ладони, показался ей обжигающе горячим.

Неудивительно, что даже изъеденный ржавчиной, он был так удобен в руке. Но если этот меч действительно принадлежал государственному наставнику, то как он оказался в заброшенном зале старого даосского храма?

Неужели их наставник как-то связан с тем безумным даосом?

Но как почтенный государственный муж может быть замешан в делах сумасшедшего?

Чем больше Цзи Минчжао размышляла, тем сильнее крепло ощущение, что здесь кроется что-то неладное. Ее брови хмурились все сильнее.

Три иероглифа на рукояти холодно поблескивали в лунном свете. Она долго смотрела на них, пока внезапно в голове не сверкнула молния.

Нет, не так! Она сама себя загнала в ловушку привычного мышления!

Кто сказал, что наставник не может быть связан с этим безумцем? И кто поручится, что тот даос с самого начала был сумасшедшим?

А что, если когда-то он был нормальным человеком?

Государственный наставник... безумный даос... старый храм... короткий меч с именем наставника.

Девочка опустила взгляд на оружие. Она заметила, что меч не только короче обычных, но и отличается особой изящностью.

Ей, ребенку, пользоваться им было невероятно легко — казалось, вещь была специально создана для того, кто еще не вырос.

Неужели этот меч был у наставника в детстве? И он был знаком с тем безумцем?

Их наставнику сейчас за тридцать, значит, пользоваться этим мечом он мог более двадцати лет назад.

Двадцать с лишним лет назад...

Цзи Минчжао прищурилась, и в ее сознании мелькнула догадка.

Точно... Юнцзин!

Двадцать с лишним лет назад как раз шли годы правления Юнцзин, а в той книге, что была у безумца в руках, она видела именно это слово!

Книга... та самая потрепанная старая книжица, которую она принесла, но еще не успела просмотреть!

Девочка встрепенулась, отбросила подушку и из щели под матрасом вытащила старую тетрадь, спрятанную там сразу после переодевания.

Пятна крови на обложке высохли, превратившись в красновато-бурые разводы. Она долго смотрела на надорванную вошеную бумагу, прежде чем с предельной осторожностью раскрыть поврежденный переплет.

На первой странице ровным почерком было выведено несколько строк.

Те самые иероглифы Юнцзин, которые она видела ранее, чинно располагались в начале свитка, а следом шла абсурдная и пугающая пророческая запись:

В четырнадцатый год Юнцзин, в пятый месяц лета, звезда Цзычэнь в зените померкнет, Инхо войдет в созвездие Девы — знамение прихода зловещей звезды.

В то время супруга наследного принца понесет, и к концу года, если родится дочь, она станет причиной смуты в государстве. Такова воля Небес, и изменить ее невозможно.

Юн... Четырнадцатый год Юнцзин.

Это же... это же тридцать лет назад!

Год рождения ее отца!

Сердце Цзи Минчжао подпрыгнуло, по спине пробежал холодный пот, а в горле встал тяжелый ком, словно она проглотила мокрую вату.

Неужели еще тридцать лет назад в столице уже знали об этом пророчестве о судьбе?

Тогда что же значит то пророчество о наставнике, о котором ей сегодня вечером рассказал младший чиновник Цуй?

К тому же, четырнадцатый год Юнцзин, беременность супруги наследного принца...

Она помнила, что у ее деда-императора был всего один сын — ее отец. Значит, речь шла именно о них?

Но ее отец не был женщиной... Неужели пророчество оказалось ошибочным, или же тот, кто его составлял, сам не был уверен, родится мальчик или девочка?

И почему эта запись попала в руки к безумцу?

Или, быть может, этот безумец когда-то был связан с императорским двором?

Мысли в голове Цзи Минчжао проносились тысячи раз в секунду. От нахлынувшего ужаса ее одежда насквозь пропиталась холодным потом.

Сегодня она осознала, что оказалась втянута в некую страшную тайну императорского дома, о которой нельзя говорить вслух. Хуже того, она до сих пор не понимает, какая роль ей в этом отведена!

Она лишь пешка, разменная монета или...

Нет, она не позволит делать из себя чью-то игрушку!

Девочка содрогнулась, пальцы, сжимавшие старую книгу, задрожали.

Она уставилась на чернильные строки, пытаясь успокоиться, и через мгновение снова начала листать потрепанную тетрадь.

Помимо пророчества на первой странице, все остальное выглядело как бессвязные записи: имена людей, их возраст, названия сект, к которым они принадлежали, и какие-то странные цифры, смысл которых она не могла уловить.

На шестой странице было написано: Гун Эр, седьмой год Юнцзин, двадцать семь лет, секта Весеннего Рождения, тринадцать дней.

Похоже, это запись о некоем Гун Эре из секты Весеннего Рождения, которому на момент записи было двадцать семь лет, и он что-то делал на протяжении тринадцати дней.

Что касается седьмого года Юнцзин...

Зрачки девочки слегка дрогнули. Учítывая, что на первой странице упоминался четырнадцатый год Юнцзин, скорее всего, это год рождения Гун Эра. А сама запись была сделана в тридцать четвертом году Юнцзин.

Тридцать четвертый год Юнцзин...

Она перевернула еще несколько страниц — почти все они были датированы этим же годом.

Почему люди из дворца связаны с миром боевых искусств? И почему все эти записи сосредоточены именно на тридцать четвертом годе Юнцзин?

Тридцать четвертый год... Впрочем, неважно.

Цзи Минчжао, у которой от раздумий начала раскалываться голова, внезапно обмякла. Она чувствовала, что если продолжит ломать голову, то просто сойдет с ума.

Чтобы сберечь остатки душевных сил и хоть немного упорядочить мысли, она решила отложить это дело на потом — сначала нужно выполнить условия пари с Цуй Шаоцином.

Приняв решение, Цзи Минчжао молча спрятала тетрадь и аккуратно намотала воценный шнур

обратно на рукоять меча.

Закончив с этим, она наконец смогла закрыть глаза и забыться беспокойным сном.

Однако на рассвете, в полудреме, ей вдруг показалось, что чья-то рука коснулась ее лба.

<http://bllate.org/book/22451/2360110>